

Немчанинова Е. Н. Миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX века (по материалам Вятской губернии) / Е. Н. Немчанинова, М. Ю. Половникова // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 401—419. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-401-419.

Nemchaninova, E. N., Polovnikova, M. Yu. (2020). Missionary Activity of Russian Orthodox Church in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries (Vyatka province). *Nauchnyi dialog*, 4: 401-419. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-401-419. (In Russ.).

УДК 271.2(470.342)“19”:2-76

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-4-401-419

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

© Немчанинова Евгения Николаевна (2020), orcid.org/0000-0001-5705-776X, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), evgeniya_nem@mail.ru.

© Половникова Марина Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0002-6903-9662, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет» (Киров, Россия), pmina@mail.ru.

Исследование посвящено анализу проблем миссионерской деятельности Русской Православной Церкви во второй половине XIX — начале XX веков в контексте истории церковно-государственных отношений данного периода. Предпринимается попытка классификации ключевых проблем миссионерской деятельности на основе анализа ведущих ее направлений с использованием регионального подхода. На основе архивных документов (прежде всего, отчетов вятских епископов и губернаторов) в работе анализируются основные проблемы миссионерской деятельности Русской православной церкви на территории обширной Вятской губернии, являвшейся по численности населения одной из самых крупных в империи. Авторы исходят из позиции, что организация миссионерской деятельности была важнейшим элементом обеспечения единства государства в рассматриваемый период и в связи с этим консолидировала интересы светской и духовной власти как на центральном, так и на региональном уровнях. Объем и содержание проблем миссионерской деятельности, по мнению авторов, во многом определялись спецификой национального и конфессионального состава населения региона, характером его расселения, а также складывавшимися на местном уровне уникальными моделями церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Вятская губерния; Вятская епархия; церковно-государственные отношения; миссионерская деятельность.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00449 А.

1. Введение

Миссионерская деятельность Русской православной церкви на всех этапах истории Российского государства являлась важным ресурсом обеспечения единства страны. Православное миссионерство, являясь своего рода элементом общегосударственной имперской политики, призвано было способствовать единству и укреплению государства через утверждение духовного единения многонационального населения в православии. В конце XIX — начале XX веков происходят важные изменения в жизни страны, которые заставили государство и Русскую Православную Церковь (далее — РПЦ) адаптироваться к новым вызовам, пересмотреть подходы к реализации миссионерской деятельности, вовлечь в решение миссионерских задач широкие круги общественности, систематизировать накопленный опыт в организации новых и развитии уже имеющихся форм и методов миссионерской деятельности [Шабунин, 2013, с. 52].

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современных условиях, когда на государственном уровне в качестве приоритетов развития государства ставится задача сохранения и развития традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Указ ..., 2016, ст. 212], важно учитывать исторический опыт адаптации государства и церкви к меняющимся условиям, опыт совместного поиска ответов на внутренние и внешние вызовы.

Этот исторический опыт подвергался попытке осмысления на протяжении длительного периода, и сегодня мы имеем возможность сопоставить подходы к его исследованию, воплощенные в трудах дореволюционных [Верховский, 1912; Знаменский, 1871; Рункевич, 1900 и др.], советских [Зырянов, 1984; Клибанов, 1965; Никольский, 1983 и др.] и современных [Ефимов, 2007; Тальберг, 2008; Федоров, 2003 и др.] авторов. Особенностью современного периода историографии истории миссионерской деятельности является смещение акцентов в сторону региональных исследований [Есикова, 2010; Князева, 2000; Остапенко, 2011 и др.], что позволяет системно проанализировать специфику, достижения и проблемы миссионерской деятельности с учетом особенностей статуса конкретного региона, состава его населения, условно разделить выявленные проблемы на объективные и субъективные.

Фактически с момента принятия Русью христианства начинается история русского православного миссионерства, содержательная сторона которого трансформировалась по мере развития государства и общества. Ко второй половине XIX века главными приоритетами в области миссионерской деятельности для официального православия являлись проповедь среди последователей иноверных исповеданий, возвращение «отпавших»

от церкви, то есть старообрядцев и сектантов, и охрана «истинного православия» [Камзина, 2018, с. 250]. В этот период происходят важные изменения в жизни государства и общества, задаваемые вектором либеральных реформ, которые оказали существенное влияние на содержание и облик миссионерской деятельности. Для анализа ключевых проблем в этой сфере представляется целесообразным использование эмпирического материала, свидетельствующего о процессах, происходящих на территории Вятской губернии (границы которой совпадали с границами Вятской епархии) как одного из самых крупных в конце XIX века по численности населения регионов Российской империи, обладающих серьезной спецификой с точки зрения конфессиональной принадлежности жителей.

2. Общая характеристика проблем организации миссионерской деятельности в Вятской губернии

За рассматриваемый период численность населения Вятской губернии увеличилась с 2124 тысяч человек в 1858 году до 3813 тысяч в 1913 году [200 лет ..., 1996, с. 26]. По данным Переписи 1897 года, губерния занимала по численности населения второе место в Российской империи после Киевской. При этом по числу церквей Вятская епархия находилась на 32 месте из 63 существовавших в 1870-е годы епархий [Очерки..., с. 167].

Хотя количество храмов, действующих на территории Вятской епархии, в рассматриваемый период постоянно росло (в 1877 году насчитывалось 509 храмов, в 1909 году — 866 [Очерки..., 2007, с. 167, 268]), все же это увеличение не было пропорционально росту населения. Величина среднестатистического прихода в Вятской губернии по состоянию на 1890 год составляла 4563 человека [Конюченко, 2006, с. 76—77], что дает основание говорить о том, что приходы Вятской епархии были на тот момент самыми многочисленными во всей Российской империи. Безусловно, это вызывало серьезные проблемы в сфере миссионерской деятельности. Так, в отчете о состоянии Вятской епархии за 1915 год епископ Вятский и Слободской Никандр (1914—1921) сетует на то, что во многих сельских приходах есть селения, находящиеся от храма на удалении в 15 верст и более: «При таком значительном расстоянии и священно-церковно-служители естественно затрудняются в надлежащем и своевременном удовлетворении религиозных нужд своих пасомых, а последние, по этой же причине, не имеют возможности часто посещать богослужения, что вместе взятое крайне неблагоприятно отражается на религиозно-нравственном состоянии населения» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2694, л. 15об.]. В качестве иллюстрации реальной потребности в строительстве новых храмов в от-

чете приводится информация о том, что один из приходских священников (с. Вишкиля, Котельничского уезда) ходатайствовал перед епархиальным начальством об открытии в его приходе трех новых церквей [Там же].

Безусловно, для того, чтобы обеспечить полноценное присутствие РПЦ на всей территории огромной Российской империи, необходимы были немалые средства, которые далеко не всегда были в свободном распоряжении государства. Поэтому проблема открытия новых храмов часто решалась силами местных властей в рамках имеющихся ресурсов: «В целях предоставления жителям возможности беспрепятственно присутствовать за богослужениями, Епархиальную Власть в 1915 году даны были разрешения на обращение одной часовни в церковь и на совершение в некоторых молитвенных домах литургии на переносном антиминсе и приняты все возможные меры к упрощению формальностей при разрешении поступающих ходатайств о постройке новых храмов» [Там же].

Решению проблемы недостаточного количества храмов, безусловно, содействовали и представители светской власти. Так, вятский губернатор Владимир Николаевич Струков (1863—1866) принял действенные меры для того, чтобы в Вятке завершилось строительство Александро-Невского собора, длившееся к тому времени почти четверть века: весной 1864 года губернатор разослал в адрес уездных исправников, городских голов губернии письма с призывом оказать содействие в сборе пожертвований на устройство собора [ЦГАКО, ф. 582, оп. 52, д. 729, лл. 1—2], и в октябре этого же года состоялось торжественное его освящение.

Не менее важным препятствием в миссионерской деятельности РПЦ в рассматриваемый период являлась проблема дефицита и качества кадров. Эта тема освещалась в том или ином ракурсе практически во всех отчетах о состоянии епархии в целом и ее отдельных частей. Так, епископ Сарапульский и Елабужский Амвросий (1914—1917) в 1917 году в отчете Синоду о Сарапульском викариатстве пишет: «Избытка людей в духовном ведомстве незаметно, а наоборот — ощущается существенный недостаток их, в особенности же лиц со специальной духовной подготовкой, что, конечно, неблагоприятно отражается на пастырском деле. Главной причиной нежелания подготовляемых в духовной средней школе к служению церкви лиц занять священнослужительские вакансии в Викариатстве служит скудное обеспечение духовенства» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2837, л. 8].

Проблему материального обеспечения духовенства считал важнейшим истоком кадрового дефицита и епископ Никандр, обративший внимание Синода на то, что «все должностные лица всех рангов и состояний и, даже, иноверное духовенство, получают за свои труды собранное им Прави-

тельством жалование, и только одно православное духовенство, служащее опорой Престола, церкви, устоев религиозно-нравственной жизни вынуждено само себе собирать по копейкам ...», при этом материальная независимость духовенства, по мнению главы Вятской епархии, могла бы решить проблемы кадрового обеспечения миссионерской деятельности: «... ряды его пополнились бы свежими, крупными силами ума и воли, сердечной и живой веры, ушедшими на иные пажити только потому, что большинство их не мирится с материальным гнетом и пытками нищенского способа пропитания» [Там же, д. 2694, л. 19об].

Интересно, что для некоторых представителей светской власти проблемы материального обеспечения духовенства не существовало. Губернатор А. Н. Волков (1882—1887) в 1884 году в записке министру внутренних дел, в числе прочего, указывает, что «положение духовенства в материальном отношении в большинстве случаев более обеспечено» [РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 222, л. 6].

Проблемы кадрового обеспечения миссионерской деятельности, безусловно, не ограничивались дефицитом священников, но и были сопряжены также с уровнем их квалификации и миссионерского потенциала. Губернатор Н. А. Тройницкий (1876—1882) в отчете о состоянии Вятской губернии в 1880 году указывает на «недостаток вполне целесообразной деятельности приходского духовенства»: «при полном недостатке образованных классов, духовенство в Вятской губернии составляет одно из высших по развитию сословий и деятельность его, в смысле поднятия народной нравственности и развития в населении здравого понимания движения государственной жизни, могла бы иметь громадное значение, в особенности при присущих массе крестьянского населения глубокой преданности церкви и вообще религиозному ее настроению. Но, к сожалению, в этом направлении деятельность духовенства почти не заметна, сосредоточиваясь преимущественно на стремлении к материальному улучшению и без того весьма удовлетворительного личного своего быта» [РГИА, ф. 1284, оп. 70, 1881 год, д. 243, лл. 20—20об].

Проблемы квалификации и нравственного облика православных священников стали предметом анализа В. В. Машковцевой, справедливо отметившей, что большая часть представителей духовенства являла собой пример высокой нравственности и исключительной преданности делу, однако среди них были и те, кто «злоупотреблял своим положением, не отличался твердостью духа» [Машковцева, 2017, с. 165].

Среди пороков духовенства самым распространенным было чрезмерное употребление спиртных напитков. В 1878 году дело о «предосудительном

поведении» священника Князева фигурировало в переписке МВД и Синода: «Священник села Чудиновского, Орловского уезда, Алексей Князев 20 минувшего Ноября, бывши в питейном заведении при починке Пышакском, напился до пьяна и производил со сторожем той же церкви крестьянином Никонором Лопатиным шум и драку, так что едва розняли их, а после выхода их из питейного заведения сидельцем Ковязиным были найдены в питейном заведении на полу Дароносица со Св. Дарами и Епитрахиль, которые на другой день и выданы священнику Князеву» [РГИА, ф. 797, оп. 49, отд. III, стол 5, д. 2, лл. 1—1об]. За этот проступок «для научения трезвости и Страху Божию» Князев был подвергнут трехмесячной епитимии с запрещением священнослужения в Спасо-Орловском монастыре [Там же].

Предпринятый анализ общих проблем миссионерской деятельности позволяет перейти к характеристике конкретных ее направлений и особенностей.

В конце XIX — начале XX веков миссионерская деятельность в Вятской епархии велась по трем основным направлениям: во-первых, среди старообрядцев; во-вторых, среди «инородцев»-язычников и мусульман; в-третьих, среди сектантов.

3. Основные проблемы в организации миссионерской работы среди неправославного и нерусского населения Вятской губернии

В качестве первого направления рассмотрим миссионерскую деятельность РПЦ среди «инородцев» и иноверцев. Необходимость реализации этого направления определялась особенностями национального состава населения Вятской губернии. В материалах переписи населения 1897 года все народности, проживавшие на территории губернии, были распределены на три группы: русская (77,5 %), финская («главным образом, вотяки, черемисы и пермяки», 17,6 %) и турецко-татарская (татары, башкиры, тептяри, 4,9 %) [Первая ..., 1904, с. 6]. Значительная часть удмуртов («вотяков») и марийцев («черемисов») до сих пор оставалась язычниками (12331 чел.), а на юге Вятской губернии проживало значительное количество татар исконно мусульманского вероисповедания (126086 чел.).

Сложность миссионерской работы по этому направлению была сопряжена с наличием языкового барьера, в связи с чем в 1868 году в программу обучения в семинарии было введено обязательное изучение «инородческих» языков. Однако это нововведение вызвало недовольство семинаристов, так как вотский язык был очень сложен для восприятия и изучения [Очерки ..., 2007, с. 256].

Между тем именно «использование языка просвещаемого народа и привлечение к церковному служению новообращенных из местного насе-

ления» Е. В. Никольский и В. Ф. Ефимов называют в качестве наиболее действенных методов утверждения новокрещенных в православной вере [Никольский, 2016, с. 155].

Ежегодно в отчетах о состоянии Вятской епархии содержались сведения о количестве крещенных в прошедшем году язычников: так, в 1864 году было «просвещено Святым Крещением язычников 60 из черемис и 13 из вотяков, а всего 73 души» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 170, л. 8.]. Однако часто для язычников принятие христианской веры было в большей степени формальностью, во многих местностях сохранялись неизживаемые языческие обычаи.

Так, в отчете о состоянии епархии в 1886 году епископ Вятский и Слободской Макарий (1885—1887) отмечает, что особую обеспокоенность власти вызывает сохраняющееся у удмуртов и марийцев «внебрачное сожитие молодых людей, имеющее свою основу в племенном обычае ...» [Там же, д. 1123, л. 11]. В итоге, по сообщению епископа, епархиальное начальство вынуждено было прибегнуть к помощи полицейских управлений губернии «в недопущении между крещеными вотяками и черемисами сожительств с избранными невестами до венчания в православной церкви ...» [Там же, л. 14].

Борьба с браками, не освященными церковным венчанием, являлась одним из способов миссионерской работы и в «инородческой» удмуртской среде. Основными методами воздействия православных священников в этом направлении, согласно выводам В. В. Макуриной, являлись увещания, воспитание подрастающего поколения в духе православной нравственности, совершение венчания без взимания платы [Макурина, 2013].

Серьезную проблему для власти представляли и сохранявшиеся традиции кумышковарения у вотяков. Кумышка являлась непременным атрибутом застолий удмуртов во время крестин, похорон, поминок, престольных праздников, языческих молений и свадеб, помочей, проводов в армию (и встречи солдата со службы), при имущественных сделках и т. д. [Пислегин, 2016, с. 159]. Сложность борьбы с кумышковарением определялась, по словам вятского губернатора А. Г. Чернявского (1914—1915), тем, что даже в начале XX века кумышка считалась необходимой принадлежностью религиозных обрядов. И если в условиях начавшейся Первой мировой войны губернатор успешно боролся с изготовлением других алкогольных напитков путем издания постановлений, «карающих не только продажу, покупку, хранение и употребление напитков, но и самое их изготовление», то изготовление кумышки он запретить не мог «по соображениям формального и технического свойства». Поэтому для борьбы с кумышковарением губер-

натор вынужден был издать постановление, «воспреещающее изготовлять и продавать трубы из меди, латуни и других материалов, пригодных для варения кумышки»; отчитываясь об этом, А. Г. Чернявский подчеркивал значимость миссионерской духовной деятельности в решении этой проблемы [РГИА, ф. 1284, оп. 194, 1915 год, отчеты, д. 13, лл. 2—3].

В целом же основные успехи миссии среди «инородцев» в рассматриваемый период были связаны с деятельностью Вятского комитета Православного миссионерского общества (основанного в мае 1870 года) и известного миссионера протоиерея Стефана Кашменского [Половникова, 2019б]. Основным инструментом миссионерской деятельности Комитета было создание «инородческих» школ, в которых дети «инородцев» обучались грамоте и православной вере, а также училищ для подготовки миссионеров среди «инородцев». В 1885 году 4297 учеников из «инородцев» обучались в разных школах [РГИА, ф. 1284, оп. 223, 1886 год, д. 110, л. 18].

М. Г. Нечаев справедливо отмечает, что в деятельности «инородческих» миссионеров явно обозначалась «тенденция к открытости и диалогу культур», что миссионерские учреждения являлись «культурными гнездами», организующими культурную жизнь провинции [Нечаев, 2014, с. 143].

Ограниченный характер влияния христианства на жизнь большинства «инородцев» объяснялся миссионерами разбросанностью приходов, удаленностью «инородческих» деревень от церкви, многонациональным и поликонфессиональным составом многих приходов, недружелюбным отношением русских крестьян к «инородцам» [Макурина, 2016, с. 127—128].

4. Проблемы в организации миссионерской работы среди старообрядческого населения Вятской губернии

Самым обширным и наиболее значимым направлением миссионерской деятельности РПЦ в Вятской епархии в рассматриваемый период являлась работа со старообрядцами, численность которых в губернии была не только очень значительной, но и возрастающей (количество сторонников старой веры выросло по разным причинам, проанализированным подробно А. А. и В. В. Машковцевыми, с 38 996 человек в 1855 году до 115 644 человек в 1909 году [Машковцев, 2015, с. 6]).

Интересно мнение вятского губернатора Ф. Ф. Трепова (1894—1896) о причинах роста численности старообрядцев, отраженное в одном из отчетов о состоянии Вятской губернии (в 1895 году по сравнению с 1894 годом численность раскольников увеличилась на 7 тысяч): «Эта цифра образовалась не вследствие усиления раскола, а вследствие предпринятого в последнее время епархиальным начальством более тщательного озна-

комления с расколом и численностью его последователей» [РГИА, ф. 1284, оп. 223, 1896 год, д. 13 (гр. Б), л. 43].

Говоря о проблемах миссионерской деятельности в этом направлении, в первую очередь отметим влияние либеральных реформ 1860—70-х годов на политику в отношении старообрядцев. Новые законодательные акты, принятые в рассматриваемый период в отношении старообрядцев («Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников 1874 года, указ «О даровании раскольников некоторым прав гражданских и по отправлению духовных треб» 1883 года и др.) обеспечивали старообрядцам относительную свободу, а с точки зрения организации миссионерской деятельности РПЦ являлись серьезным ограничительным фактором. Давая существенные свободы старообрядцам, правительство предписывало духовному ведомству усилить миссионерскую деятельность в их среде. Причем православным проповедникам надлежало действовать в рамках «христианской любви» и обращаться к гражданским властям только в случае нарушения закона, и не напрямую, а через епархиального архиерея [Шабунин, 2013, с. 46].

Основными субъектами миссионерской деятельности в старообрядческой среде являлись православные приходские священники, которые при всяком удобном случае устраивали собеседования со старообрядцами, «во время которых, на основании доводов разума и ссылками на старопечатные книги, уважаемые самими раскольниками, доказывали ложность раскольнических мнений и истину православия» [РГИА, ф. 1284, оп. 223, 1886 год, д. 110, л. 94об]. По данным отчета вятского губернатора за 1884 год, приходскому духовенству в деле просвещения старообрядцев помогали: «1) шесть миссионеров, руководивших деятельностью его советом и примером собственных бесед с раскольниками и объезжавших для сего несколько раз приходы, зараженные расколом; 2) увещательные противораскольнические комиссии из испытанных в борьбе с расколом лиц; таких комиссий в отчетном году было три, и 3) Вятское Братство Святителя и Чудотворца Николая» [Там же].

Интересны обстоятельства открытия Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая, доступные для анализа благодаря обнаруженному авторами статьи в составе личного фонда К. П. Победоносцева письму вятского губернатора Н. А. Тройницкого от 14 марта 1882 года. В этом письме вятский губернатор в первую очередь просит прощения у обер-прокурора Святейшего Синода за вмешательство в дело, не касающееся его компетенции непосредственно. Затем излагается суть дела: Н. А. Тройницкий рассказывает об успешно функционирующей в Вятке противораскольнической школе, созданной при кафедральном соборе протоиереем С. Кашменским.

Учрежденная изначально на частные пожертвования, школа постепенно обрела материальную поддержку со стороны епархиального духовенства, и следующим закономерным шагом в ее развитии, по мнению С. Кашменского, должно было стать создание противораскольнического братства, в ведение которого могла быть передана школа. Однако эта инициатива не нашла поддержки у епархиального начальства, так как «взгляд на это Высокопреосвященного Аполлоса совсем иной, и он же желает выпустить это учреждение из-под ведения Консистории, и потому не соглашается на учреждение братства» [РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 58, л. 66]. Это разногласие между епископом Аполлосом и протоиереем Кашменским вынудило вятского губернатора ходатайствовать перед Обер-Прокурором Святейшего Синода о поддержке в реализации проекта открытия братства. В итоге братство было открыто в Вятке в этом же, 1882 году, а через 10 лет на территории Вятской губернии появилась еще одна подобная организация — Сарапульское Вознесенское братство. Среди основных направлений деятельности Вознесенского братства можно отметить развитие школьной сети (включавшей в себя в начале XX века 238 школ) и ведение религиозно-просветительской работы среди населения Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов с целью укрепления православной веры и привлечения неправославного населения в православие [Половникова, 2019а, с. 431].

Ключевыми инструментами миссионерской деятельности братств являлись создание и обеспечение функционирования системы братских школ в епархии, в которых преподавали выпускники противораскольнического училища, а также обширная религиозно-просветительская деятельность (издание, приобретение, бесплатное распространение книг и брошюр, религиозно-просветительские чтения и др.).

Соглашаясь с мнением В. В. Шабунина о роли православных церковных братств в развитии миссионерской деятельности изучаемого периода, подчеркнем, что, пожалуй, основное их значение состояло в создании площадки, на которой могли быть объединены усилия РПЦ и общества в миссионерском деле. Благодаря созданию братств, в миссионерской работе РПЦ возникает «тенденция уравнивания мирян и духовенства, которые начинают ощущать себя частью единого церковного организма» [Шабунин, 2013, с. 65—66].

5. Основные трудности в ведении миссионерской работы среди сектантов

Еще одним направлением миссионерской деятельности в Вятской епархии в конце XIX — начале XX веков объективно могла являться работа с сектантами, основную массу которых в губернии составляли скопцы и хлысты.

Однако ввиду небольшого количества представителей сект вятская миссия уделяла им минимум внимания. Работало с сектантами в первую очередь государство, используя ресурсы правоохранительных органов (повышенное внимание государства к сектантам, по мнению А. А. и В. В. Машковцевых, объяснимо использованием рядом религиозных организаций варварских ритуалов, в том числе членовредительства, серьезной догматической спецификой, симпатиями либерально-оппозиционному движению в части поддержки идеи реформирования политического режима [Машковцев, 2015, с. 208]).

Так, в Яранском уезде Вятской губернии среди марийцев существовала секта «Кугу-Сорта» («Большая Свеча»). Возникшая еще в 1830—1840-е годы, секта изначально не привлекала к себе внимание властей, однако во второй половине XIX века деятельность сторонников секты была признана «чрезвычайно вредною и противообщественною», так как целью сектантов, как следует из текста имеющихся в распоряжении документов, было «1) обособить черемисское племя от русских и возвратить его к дохристианской жизни; 2) под видом племенной веры объединить всех черемис и укрепить их язык, особенности быта, обычаев и проч.; 3) <...> освятить своеволие в частной семейной и общественной жизни черемис, способствуя своим единоплеменникам освободиться от подчинения существующим для православного Общества церковно-гражданским обязанностям, порядкам и законам ...» [РГИА, ф. 797, 1894 год, оп. 91, д. 37, лл. 2—2об.]. Интересно, что усиление секты, по мнению власти, способствовало вниманию к секте со стороны Комитета Казанской Научной Выставки 1890 года. Крестьяне, входившие в секту, предоставили на выставку черемисские изделия и коллекции для изучения языческого богослужения черемис, за что получили от организаторов выставки памятные награды (жетон «за трудолюбие» и похвальный лист). В итоге крестьянин Иванов, получивший жетон, стал носить его на груди и рассказывать неграмотным марийцам, «что ему выдана медаль за языческую веру», а крестьяне Якмановы, получившие похвальный лист, уверяли марийцев, что он выдан «за их веру», а перед праздником Святой Пасхи и в первый день Пасхи вывешивали его на воротах своих домов. По делу секты было принято решение о высылке ее активистов в Сибирь [Там же]. Основы учения секты «Кугу-Сорта» подробно описаны, в частности, А. А. Песецкой [Песецкая, 2018].

6. Новые условия в организации миссионерской работы в начале XX века

Анализируя проблемы миссионерской деятельности РПЦ во второй половине XIX — начале XX веков, мы не можем обойти вниманием вли-

ание тех процессов, которые были запущены либеральными реформами во всех сферах социально-экономической и политической жизни империи.

Так, в отчете о состоянии Вятской епархии за 1911 год епископ Вятский и Слободской Филарет (1904—1914) называет «новым бичом деревни» отхожие промыслы и подробно излагает свои мысли относительно разлагающего влияния отходничества на нравственное состояние паствы: «Побывав на отхожих промыслах, деревенский молодой человек прежде всего хочет показать всем свою бывалость. Он курит, пьет, щеголяет городской одеждой, беспрестанно ругается матерными словами, выражает полное неуважение к старшим, к духовенству, к лицам начальствующим, а иногда и к Церкви Божией, вольнодумничает с чужих слов и уже сразу отстает от своего тяжелого крестьянского труда и начинает стремиться к легкой наживе» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2446, л. 33]. Благодатной почвой для пропаганды всевозможных лжеучений и сектантства называет владыка эту «беспринципную молодежь, ускользающую от доброго влияния своих приходских пастырей на свои отхожие промыслы» [Там же, л. 33об].

В начале XX века задачи миссионерской деятельности РПЦ постоянно усложнялись в связи с нестабильностью политической ситуации, активизацией деятельности сект, неправославных конфессий, стремительным развитием системы образования, распространением социалистических идей и другими факторами.

Епископ Глазовский Павел, викарий Вятской епархии (1905—1918), выступая 22 октября 1905 года с речью на Кафедральной площади, подчеркивал связующую роль Русской православной церкви в деле сохранения государственности: «Я, как пастырь церкви, должен всенародно и во всеуслышание сказать и объявить, что Русь наша святая во время своего тысячелетнего существования стояла и стоит по сие время на трех коренных и основных началах, это — на вере православной, крепком и тесном единении со своим царем и искренней, неподдельной любви к своей родине — своему отечеству. <...> С жизнью церкви сопряжена неразрывно жизнь нашего отечества, с ея целостию его безопасность, с ея процветанием его слава...» [БЕВ, 1905, с. 110, 112].

В условиях революции 1905—1907 годов усугубилось и без того простое положение приходского духовенства. «Под влиянием далеко не совсем еще успокоившегося брожения умов, благодаря воздействию разных агитаторов и прессы легальной и нелегальной, отчасти, пожалуй, под влиянием неправильного понимания свободы вероисповедания, многие из прихожан слагают с себя ответственность по содержанию духовенства и до минимума низводят его», — пишет в отчете о состоянии Вятской епар-

хии за 1906 год епископ Вятский и Слободской Филарет [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2140, л. 30].

Новые вызовы для Русской православной церкви несла с собой и Первая мировая война, в условиях которой возросли потребности действующей армии в миссионерской работе священников, появились новые группы населения, нуждающиеся в духовной поддержке (беженцы, сироты, солдатские семьи и др.) [Шабунин, 2013, с. 25].

По оценкам епископа Никандра, война оказала благотворное влияние на религиозно-нравственное состояние паствы: «Война, с одной стороны, заставила духовенство ближе стать к народу и чаще быть с ним, с другой и сам народ, имея в лице духовенства ближайшую и доступнейшую интеллигентную силу, по необходимости встал к нему в более сердечные отношения, исключаящие различные эксцессы в совместной жизни той и другой стороны» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2694, л. 20об.]. Обнадеживало владыку и «вызванное войною усиленное у всех стремление учиться» [Там же, л. 23об.].

7. Заключение

Проведенный анализ ключевых проблем миссионерской деятельности Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX веков позволяет сделать некоторые выводы относительно их истоков, глубины, степени ответственности представителей светской и духовной власти за их вызревание. Как было отмечено ранее, миссионерская деятельность являла собой уникальный опыт консолидации усилий светской и духовной власти в деле обеспечения единства многонациональной страны. Реализуемое прежде всего с использованием ресурсов духовной власти, православное миссионерство невозможно было бы без поддержки власти светской (в вопросах формирования общественного мнения, материального обеспечения, использования административных мер воздействия и т. д.), что согласуется с ранее сделанными [Немчанинова, 2019] авторами выводами.

Исследование проблем миссионерской деятельности на региональном уровне позволяет утверждать, что решение значительной части обозначенных проблем было вне компетенции местной власти (как светской, так и духовной), так как все направления работы миссии реализовывались в рамках задаваемого на центральном уровне правового поля (в частности, серьезные проблемы создавала либерализация законодательного регулирования старообрядчества).

Значимость и острота тех или иных проблем миссионерской деятельности на региональном уровне определялась спецификой национального и

конфессионального состава населения, особенностями его распределения по территории губернии. Так, применительно к истории Вятской губернии, основное внимание православной миссии уделялось работе со старообрядцами, численность которых в начале XX века превышала 100 тысяч человек. Значимыми в масштабах губернии были проблемы недостаточного кадрового и материального обеспечения миссии. Хотя здесь важно оговориться, что часть выявленных проблем носила объективный характер (стремительный рост численности населения, большая площадь губернии, низкая плотность населения и т. д.).

Во второй половине XIX — начале XX веков миссионерская деятельность Русской православной церкви выходит на новый уровень, вовлекая в свою орбиту широкие круги заинтересованной общественности, объединяемой, прежде всего, в рамках деятельности православных церковных братств. В Вятской губернии в этот период организационно оформляются Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая (деятельность которого продолжается и сегодня) и Сарапульское Вознесенское братство, внесшие весомый вклад в решение актуальных для рассматриваемого периода миссионерских задач. Таким образом, субъектами миссионерской деятельности с этого момента становятся не только представители духовенства, но и церковные общественные организации, что, безусловно, способствовало расширению миссионерских возможностей.

На характер и содержание миссионерской деятельности РПЦ серьезное влияние оказывали ключевые события жизни государства и общества второй половины XIX — начала XX веков (либеральные реформы, русско-японская война, революция 1905—1907 годов, Первая мировая война и др.). В процессе решения актуальных конкретно исторических задач шла выработка новых форм и методов миссионерской работы, адаптация миссии к новым вызовам эпохи.

Источники и принятые сокращения

1. ВЕВ — *Вятские епархиальные ведомости*. — 1905. — № 21 (отд. офиц.). — С. 110, 112.

2. *Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897 год* / под редакцией Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1904. — Т. X. Вятская губерния. — 432 с.

3. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 442. Д. 170. Л. 8. Д. 1123. Лл. 11, 14. Д. 2140. Л. 30. Д. 2446. Лл. 33, 33об. Д. 2694. Л. 8, 15об., 19об., 20, 20об. Д. 2837. Л. 8 ; Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода). Оп. 49. Отделение III. Стол 5. Д. 2. Л. 1—1об. Оп. 91 (1894). Д. 37. Л. 2—2об ; Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 3. Д. 222. Л. 6 ; Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 70. 1881 год. Д. 243. Лл. 20—20об. Оп. 194. 1915 год. Отче-

ты. Д. 13. Лл. 2—3. Оп. 223. 1886 год. Д. 110. Л. 18, 94об. Оп. 223. 1896 год. Д. 13 (гр. В). Л. 43 ; Ф. 1574 (Победоносцев Константин Петрович). Оп. 2. Д. 58. Л. 66.

4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 1 (часть II). Ст. 212.

5. ЦГАКО — *Центральный* государственный архив Кировской области. Ф. 582 (Канцелярия вятского губернатора). Оп. 52. Д. 729. Лл. 1—2.

6. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. — Киров : ГИПП Вятка, 1996. — 448 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верховский П. В.* Очерки по истории Русской церкви в XVIII и XIX столетиях / П. В. Верховский. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1912. — 148 с.

2. *Знаменский П. В.* Руководство к русской церковной истории / П. В. Знаменский. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1871. — 196 с.

3. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. / П. Н. Зырянов. — Москва : Наука, 1984. — 226 с.

4. *Есикова Е. М.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. М. Есикова. — Челябинск, 2010. — 250 с.

5. *Ефимов А. Б.* Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви / А. Б. Ефимов. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2007. — 683 с.

6. *Камзина А. Д.* Архивные источники по истории миссионерской деятельности Русской Православной Церкви среди старообрядчества Оренбургской епархии второй половины XIX — начала XX веков / А. Д. Камзина // Самарский научный вестник. — 2018. — Т. 7. — № 4. — С. 249—253.

7. *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX — начало XX в.) / А. И. Клибанов. — Москва : Наука, 1965. — 348 с.

8. *Князева О. Р.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в 1905—1917 гг. : На примере епархий Пермской губернии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. Р. Князева. — Пермь, 2000. — 220 с.

9. *Конюченко А. И.* Православное духовенство России во второй половине XIX — начале XX века : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. И. Конюченко. — Челябинск, 2006. — 732 с.

10. *Макурина В. В.* Борьба православного духовенства с «внебрачным сожителем» удмуртов (конец XIX — начало XX в.) / В. В. Макурина // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья : история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Глазов : УИИЯЛ УрО РАН, 2013. — С. 290—293.

11. *Макурина В. В.* Деятельность епархиальных и окружных православных миссионеров на территории расселения удмуртов в Вятской епархии в конце XIX — начале XX века / В. В. Макурина // Иднакар : методы историко-культурной реконструкции. — 2016. — № 2. — С. 121—129.

12. *Машковцев А. А.* Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX века : взаимоотношения с региональными властями и православной церковью : монография / А. А. Машковцев, В. В. Машковцева. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. — 219 с.

13. *Машковцева В. В.* Миссионерская деятельность православного духовенства Вятской губернии среди старообрядцев во второй половине XIX века / В. В. Машковцева // Вопросы истории. — 2017. — № 3. — С. 164—171.

14. *Немчианинова Е. Н.* Губернатор и епископ в системе церковно-государственных отношений во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Вятской губернии) / Е. Н. Немчианинова, М. Ю. Половникова // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 62. — С. 72—79.

15. *Нечаев М. Г.* Деятельность Православного миссионерского общества на Урале / М. Г. Нечаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 2—2 (40). — С. 140—144.

16. *Никольский Е. В.* Проблемы миссионерской деятельности в Удмуртии XIX века : культурологический и социально-педагогический аспекты / В. Ф. Ефимов, Е. В. Никольский // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2016. — Том 26. — № 5. — С. 143—157.

17. *Никольский Н. М.* История русской церкви / Н. М. Никольский. — Москва : Издательство политической литературы, 1983. — 448 с.

18. *Остапенко Р. А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди адыгов Северо-Западного Кавказа : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Р. А. Остапенко. — Майкоп, 2011. — 221 с.

19. *Очерки истории Вятской епархии (1657—2007) : 350 лет Вятской епархии / под общей редакцией митрополита Вятского и Слободского Хрисанфа.* — Вятка : Буквица, 2007. — 640 с.

20. *Песеца А. А.* «Всё белое» : запреты в учении и практике марийской секты «Кугу Сорга» / А. А. Песеца // Культура славян и культура евреев : диалог, схождения, различия. — 2018. — № 1. — С. 212—227.

21. *Пислегин Н. В.* Технологии и практики удмуртского кумышкварения. По архивным документам XIX — начала XX в. / Н. В. Пислегин // Вестник архивиста. — 2016. — № 3. — С. 159 (153—163).

22. *Половникова М. Ю.* Сарапульское Вознесенское братство и его деятельность в конце XIX — начале XX веков / М. Ю. Половникова // Научный диалог. — 2019. — № 11. — С. 418—432. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-418-432.

23. *Половникова М. Ю.* Стефан Кашменский и его религиозно-просветительская и миссионерская деятельность в Вятской губернии во второй половине XIX века / М. Ю. Половникова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2019. — Том 29. — № 4. — С. 593—602.

24. *Рункевич С. Г.* История Русской церкви под управлением Святейшего Правительствующего Синода / С. Г. Рункевич. — Санкт-Петербург : Типография А. П. Лопухина, 1900. — 425 с.

25. *Тальберг Н. Д.* История Русской церкви / Н. Д. Тальберг. — Москва : Директ-медиа, 2008. — 924 с.

26. *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700—1917 / В. А. Федоров. — Москва : Русская панорама, 2003. — 485 с.

27. *Шабунин В. В.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в конце XIX — начале XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. В. Шабунин. — Москва, 2013. — 225 с.

MISSIONARY ACTIVITY OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES (VYATKA PROVINCE)¹

© **Evgenia N. Nemchaninova (2020)**, orcid.org/0000-0001-5705-776X, PhD in History, associate professor, Department of history and political sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vyatka State University” (Kirov, Russia), evgeniya_nem@mail.ru.

© **Marina Yu. Polovnikova (2020)**, orcid.org/0000-0002-6903-9662, PhD in History, associate professor, Department of history and political sciences Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vyatka State University” (Kirov, Russia), pmina@mail.ru.

The study is devoted to the analysis of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX - early XX centuries in the context of the history of church-state relations of the period. An attempt is made to classify the key problems of missionary activity based on an analysis of its leading areas using a regional approach. Based on archival documents (primarily the reports of Vyatka bishops and governors), the main problems of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the vast Vyatka province, which is one of the largest in empire in terms of population are analyzed in the paper. The authors proceed from the position that the organization of missionary activity was an important element in ensuring the unity of the state in the period under review, and in this regard consolidated the interests of secular and spiritual authorities both at the central and regional levels. The range and content of the problems of missionary activity, according to the authors, were largely determined by the specifics of the national and confessional composition of the population of the region, the nature of its settlement, as well as unique models of church-state relations that developed at the local level.

Key words: Russian Orthodox Church; Vyatka province; Vyatka diocese; church-state relations; missionary activity.

MATERIAL RESOURCES

- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 796 (Kantselyariya Sinoda). Op. 442. D. 170. L. 8. D. 1123. L. 11, 14. D. 2140. L. 30. D. 2446. L. 33, 33ob. D. 2694. L. 8, 15ob., 19ob., 20, 20ob. D. 2837. L. 8; F. 797 (Kantselyariya ober-prokurora Sinoda). Op. 49. Otdeleniye III. Stol 5. D. 2. L. 1—1ob. Op. 91 (1894). D. 37. L. 2—2ob; F. 1282 (Kantselyariya ministra vnutrennikh del). Op. 3. D. 222. L. 6; F. 1284 (Departament obshchikh del MVD). Op. 70. 1881 god. D. 243. Ll. 20—20ob. Op. 194. 1915 god. Otchety. D. 13. Ll. 2—3. Op. 223. 1886 god. D. 110. L. 18, 94ob. Op. 223. 1896 god. D. 13 (gr. B). L. 43; F. 1574 (Pobedonostsev Konstantin Petrovich). Op. 2. D. 58. L. 66. (In Russ.).
- Troynitskogo, N. A. (ed.) (1904). *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii. 1897 god*, X. Sankt-Peterburg: Izd. Tsent. Stat. komitetom M-va vn. Del. Vyatskaya guberniya. (In Russ.).
- TsGAKO — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti*. F. 582 (Kantselyariya vyatskogo gubernatora). Op. 52. D. 729. Ll. 1—2. (In Russ.).

1 The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of a scientific project № 19-09-00449 A.

- Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683 «O Strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii». (2016) In: *Sobraniye zakonodatelstva RF, 1 (chast' II)*. St. 212. (In Russ.).
- VEV — *Vyatskiye eparkhialnyye vedomosti, 21 (otd. ofits.)*. (1905). (In Russ.).
- 200 let Vyatskoy gubernii. *Statisticheskij sbornik*. (1996). Kirov: GIPP Vyatka. (In Russ.).

REFERENCES

- Efimov, A. B. (2007). *Ocherki po istorii missionerstva Russkoy pravoslavnoy tserkvi*. Moskva: Izdatelstvo PSTGU. (In Russ.).
- Esikova, E. M. (2010). *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi nekhristianskogo naseleniya Orenburgskoy eparkhii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Fedorov, V. A. (2003). *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo. Sinodalnyy period. 1700—1917*. Moskva: Russkaya panorama. (In Russ.).
- Kamzina, A. D. (2018). Arkhivnyye istochniki po istorii missionerskoy deyatel'nosti Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi sredi staroobryadchestva Orenburgskoy yeparkhii vtoroy poloviny XIX — nachala XX vekov. *Samarskiy nauchnyy vestnik, 7 (4)*: 249—253. (In Russ.).
- Klibanov, A. I. (1965). *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gg. XIX — nachalo XX v.)*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Knyazeva, O. R. (2000). *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v 1905—1917 gg.: Na primere yeparkhii Permskoy gubernii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Perm'. (In Russ.).
- Konyuchenko, A. I. (2006). *Pravoslavnoye dukhovenstvo Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk*. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Makurina, V. V. (2013). Borba pravoslavnoy dukhovenstva s «vnebrachnym sozhitel'stvom» udmurtov (konets XIX — nachalo XX v.). In: *Material'naya i dukhov'naya kul'tura narodov Urala i Povolzhya: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Glazov: UIIYaL UrO RAN. 290—293. (In Russ.).
- Makurina, V. V. (2016). Deyatel'nost' yeparkhialnykh i okruzhnykh pravoslavnykh missionerov na territorii rasseleniya udmurtov v Vyatskoy yeparkhii v kontse XIX — nachale XX veka. *Idnakar: metody istoriko-kulturnoy rekonstruktsii, 2*: 121—129. (In Russ.).
- Mashkovtsev, A. A., Mashkovtseva, V. V. (2015). *Staroobryadtsy i sektanty Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i pravoslavnoy tserkovyu: monografiya*. Kirov: Raduga-PRESS. (In Russ.).
- Mashkovtseva, V. V. (2017). Missionerskaya deyatel'nost' pravoslavnoy dukhovenstva Vyatskoy gubernii sredi staroobryadstsev vo vtoroy polovine XIX veka. *Voprosy istorii, 3*: 164—171. (In Russ.).
- Nechayev, M. G. (2014). Deyatel'nost' Pravoslavnoy missionerskoy obshchestva na Urale. Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. *Voprosy teorii i praktiki, 2—2 (40)*: 140—144. (In Russ.).

- Nemchaninova, E. N., Polovnikova, M. Yu. (2019). Gubernator i yepiskop v sisteme tserkovo-gosudarstvennykh otnosheniy vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. (na materialakh Vyatskoy gubernii). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 62: 72—79. (In Russ.).
- Nikolskiy, E. V., Efimov, V. F. (2016). Problemy missionerskoy deyatel'nosti v Udmurtii XIX veka: kulturologicheskiy i sotsialno-pedagogicheskiy aspekty. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*, 26 (5): 143—157. (In Russ.).
- Nikolskiy, N. M. (1983). *Istoriya russkoy tserkvi*. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.).
- Ocherki istorii Vyatskoy yeparkhii (1657—2007): 350 let Vyatskoy eparkhii*. (2007). Vyatka: Bukvitsa. (In Russ.).
- Ostapenko, R. A. (2011). *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02*. Maykop. (In Russ.).
- Pesetskaya, A. A. (2018). «Vse beloye»: zaprety v uchenii i praktike mariyskoy sekty «Kugu Sorta». *Kultura slavyan i kultura yevreyev: dialog, skhodstva, razlichiya*, 1: 212—227. (In Russ.).
- Pislegin, N. V. (2016). Tekhnologii i praktiki udmurtskogo kumyshkovareniya. Po arkhivnym dokumentam XIX — nachala XX v. *Vestnik arkhivista*, 3: 159 (153—163). (In Russ.).
- Polovnikova, M. Yu. (2019). Sarapul Ascension Brotherhood and Its Activities in the Late XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11: 418—432. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-418-432. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Yu. (2019). Stefan Kashmenskiy i yego religiozno-prosvetitel'skaya i missionerskaya deyatel'nost' v Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya»*, 29 (4): 593—602. (In Russ.).
- Runkevich, S. G. (1900). *Istoriya Russkoy tserkvi pod upravleniyem Svyateyshego Pravitel'stvyushchego Sinoda*. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. P. Lopukhina. (In Russ.).
- Shabunin, V. V. (2013). *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v kontse XIX — nachale XX vv: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Talberg, N. D. (2008). *Istoriya Russkoy tserkvi*. Moskva: Direkt-media. (In Russ.).
- Verkhovskiy, P. V. (1912). *Ocherki po istorii Russkoy tserkvi v XVIII i XIX stoletiyakh*. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga. (In Russ.).
- Znamenskiy, P. V. (1871). *Rukovodstvo k russkoy tserkovnoy istorii*. Sankt-Peterburg: Sinodal'naya tipografiya. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. (1984). *Pravoslavnaya tserkov' v borbe s revolyutsiyey 1905—1907 gg*. Moskva: Nauka. (In Russ.).